

519. АМ (С) П (С 126 П)
М-89
ИЗДАНИЕ
С.Н. Григорьев

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ РУССКИЙ МУЗЕЙ

МУЗЕЙНОЕ ДЕЛО

IV

ЛЕНИНГРАД

1926

УД. 74(С) П(С125А)
М-89

Государственный Русский музей

МУЗЕЙНОЕ ДЕЛО

IV

Б. Г. КРЫЖАНОВСКИЙ

ПРИНЦИПЫ ЭКСПОЗИЦИИ
ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО МУЗЕЯ

ЛЕНИНГРАД

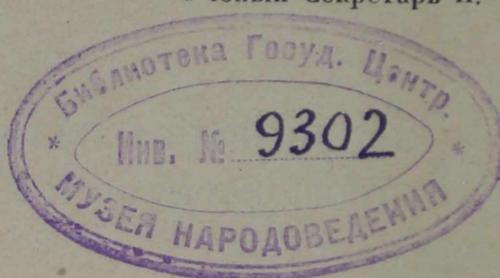
1926

16 ОКТ 2009

Напечатано по распоряжению Государственного Русского Музея

Ученый Секретарь *Н. Черепнин.*

Ленинградский Гублит № 13066. Заказ № 886. Тираж 1000 экз.

Государственная типография имени Ивана Федорова, Ленинград, Звенигородская, 11.

Изложенное в настоящей статье представляет личное мнение автора. Пришлось говорить о стольких спорных вопросах, уточнять и формулировать столько расплывчатых определений, что было бы трудно добиться единодушного взгляда на все эти принципиальные вопросы даже в ближайшем кругу сотрудников. Тем не менее опыт разработки плана экспозиции одного из Отделений Этнографического Отдела Русского Музея и проведения его в жизнь, трижды последовательно повторенный с постепенным углублением, хотя и далеко не доведенным до конца, принимаемых принципов, побуждает к формулировке сложившихся взглядов.

I.

Этнографические музеи могут быть разделены на два типа — областные и центральные. Первые заключают в себе коллекции, собранные на территории некоторой, сравнительно небольшой, области, вторые же в круг своих интересов включают весь земной шар или значительную часть его. Однако, различие двух типов музеев не только в размерах той территории, которую данный музей изучает (различие количественное), но также и в характере коллекций, которые музей собирает и экспонирует на своей выставке (различие принципиальное).

Областные музеи должны представить быт своей области во всей полноте; элементы его должны быть изучены во всех деталях, со всеми видоизменениями, как территориальными, так и эволютивными. Поэтому в областных музеях необходимо накопление огромных по числу коллекций, составляющих исчерпывающий материал для изучения народной культуры данной страны.

Центральные музеи должны представить быт всего человечества или же очень многих племен, так или иначе связанных между собою. Накопление коллекций в таком же объеме для каждого народа, как это должно делаться в областных музеях, в центральном музее, очевидно, невозможно. Поэтому центральные музеи должны собирать свои коллекции с таким расчетом, чтобы представить быт различных племен в его основных и характерных чертах; устанавливая и отмечая в своей выставке связи элементов быта отдельных народов, центральный музей показывает общую картину быта всей территории, являясь таким образом музеем этнологическим.

Принадлежность музея к тому или другому типу определяет и характер его экспозиции. Говоря грубо, областные музеи могут экспонировать накопленные ими коллекции, тогда как центральные должны выбирать из своих собраний те предметы, которые необходимы для их цели—представить основные черты быта отдельных племен и их культурные связи.

II.

При отборе материала для указанной цели сразу возникает ряд вопросов, имеющих принципиальное значение.

Из однородных предметов, бытующих или бытовавших у населения, на постоянную выставку, как основные, должны идти наиболее распространенные в настоящее время; отличающиеся же от него предметы старинные, или устанавливающие связь с другими народностями, явятся на выставке дополнительными, о чем речь будет ниже. Равным образом и предметы, выдающиеся совершенством формы или красотой отделки, войдут в экспозицию не как характерные для данного бытового явления, а в серии предметов народного искусства. Здесь необходимо остановиться на предметах, уже не имеющих этнографического характера—городского происхождения или машинного производства. Такие предметы должны быть представлены на выставке лишь в тех случаях, когда они входят в состав комплекса бытовых явлений, сохранившего в остальном свою самобытность. Так, городская фуражка вошла в народный костюм и великорусов и украинцев; железный плуг тоже желательно показать для тех стран, где он опередил остальные земледельческие машины и оказался в кругу примитивных сельско-хозяйственных орудий.

На выставку должны идти оригинальные и притом уже действительно бытовавшие экземпляры, а не сделанные специально для музея, которые мы должны рассматривать, как модели, сделанные в натуральную величину. Вопрос о моделях является чрезвычайно существенным, так как некоторые бытовые предметы настолько крупны, что помещение их на выставку затруднительно, а некоторых, именно, различных построек, и совсем невозможно. Приходится тем не менее признать, что помещение на выставку моделей не является удовлетворительным разрешением вопроса. Модели различных орудий и снастей никогда не могут точно передать пропорции частей и детали конструкции и внешнего вида; если же они достаточно велики, чтобы была возможность соблюсти точность в этом отношении, то своим размером, уже сравнительно мало отличающимся от оригинала, они сбивают представление зрителя о действительных размерах предмета. Исключение приходится сделать лишь для жилищ, так как экспозиция постоянных жилищ возможна только на открытом воздухе, и в музейных залах их приходится представлять в виде моделей или других изображений. Однако, модели могут быть выставлены только сделанные по точным обмерам какого-либо определенного сооружения, и отнюдь не являться воспроизведением отвлеченного архитектурного типа. Помещенные рядом

с моделью фотографии должны являться контролем точности исполнения. Чрезвычайно желательно, чтобы все модели музея были сделаны в одном масштабе, который должен быть указан на экспонатах.

Более точными и надежными воспроизведениями оригиналов, не могущих быть выставленными в музее, служат эстампажи с рельефных предметов и раскрашенные кальки с росписей и рисунков. К этой же категории экспонатов относятся муляжи предметов, не могущих сохраняться в течение долгого времени, как, напр., хлебов, пряников и т. п., при отливке и раскраске которых может быть достигнута полная точность.

Чрезвычайно велико значение фотографий. Они дают возможность не только показать предметы, почему либо не имеющиеся в музее, но, что особенно важно, жизненную обстановку, в которой эти предметы бытуют, а также употребление их в процессах производства. При помощи фотографий можно показать зафиксированные моменты жизни отдельных людей и общественных явлений, что оживляет выставку и хотя бы отчасти возвращает увезенные в музей предметы к их нормальной обстановке. Кроме того фотографии являются единственным способом показать точные антропологические типы тех народов, чей быт выставлен в музее. Рассмотрение мелких фотографий затруднительно и быстро утомляет, поэтому необходимо выставлять фотографии, увеличенные до такого размера, чтобы их содержание было хорошо видно на некотором расстоянии для группы лиц.

Рядом с фотографиями надо поставить чертежи, схемы и планы а также рисунки, могущие быть двух родов: с одной стороны рисунки, точно воспроизводящие определенные сюжеты (их преимущество перед фотографией заключается главным образом в возможности передать краски), с другой стороны свободные рисунки, передающие общее впечатление бытового явления. В то время, как первые являются как бы дополнением к точным фотографическим воспроизведениям, вторые, подчеркивая некоторые стороны своего сюжета, незаменимы для общей характеристики жизни и ее обстановки.

Наконец, необходимым дополнением выставки являются общие этнографические карты и карты расселения отдельных племен, а также карты распространения отдельных бытовых элементов.

III.

Основной единицей в экспозиции этнологического музея является народность. Народности, принадлежащие к одной этнической группе, экспонируются в непосредственном соседстве одна с другой, сохраняя, по возможности, последовательность их географического расселения. Гораздо труднее сохранить такую последовательность для этнических групп. Здесь дело осложняется существованием народностей, как бы отбившихся от всей группы и оказавшихся изолированными среди племен иной группы, или же народностей, на которую претендуют разные группы (напр. чуваша).

Тут вопрос о помещении коллекции решается в каждом случае индивидуально.

Каждой народности должно быть отведено место, соответствующее ее величине и значению в общей картине. То же можно сказать и по отношению к целым группам. При этом не приходится опасаться того, что красочный и необычный для нас быт малокультурных племен окажется оттеснен менее яркой картиной быта больших и культурных народов. Культура этих последних оказывается настолько сложной и значительной по своему содержанию, что сжатость и концентрирование внимания на вполне самобытных сторонах этнографии малокультурных племен вполне оправдываются сравнительной бедностью и, часто односторонностью их жизни. Однако, и при этом на долю малых народностей в центральных музеях неизбежно падает львиная доля места и внимания, так как это обуславливает уже самое число их и разнообразие. Исключение из общего правила об этом, так сказать, пропорциональном распределении места между народностями и группами их, может быть сделано только для народностей, имеющих особое значение с этнологической точки зрения.

Коллекции по каждой народности выставляются обычно отдельно. Но вполне возможна совместная для нескольких народностей или для всей группы экспозиция тех элементов быта, которые у них имеют общий характер. Этим отмечается их культурная близость и культурные связи внутри данной этнической группы. Таким образом избегается повторение однородных предметов на близком расстоянии один от другого, и этим облегчается осмотр. Равным образом возможно в пределах одной группы экспонировать полностью быт одной из народностей, к ней относящейся, а для остальных ограничиться экспозицией тех элементов, которые существенным образом отличаются. Однако, дальнейшее расширение этого приема в применении уже к ряду этнических групп, хотя и было бы естественным развитием определенного принципа, на практике, при значительной площади выставочного помещения, вызвало бы затруднения при осмотре и только запутало бы общую картину.

IV.

При экспозиции коллекций по малым народностям, при небольшой площади, отведенной каждой из них, и небольшому числу выставочных единиц, т. е. шкафов, щитов и т. п., полная ясность и логическая последовательность в расположении предметов может быть достигнута без труда. Останавливаться на этом не стоит, так как желательная система и приемы экспозиции будут вполне ясны после того, как мы разберем принципы экспозиции коллекций по крупным народностям. Здесь вопрос представляется гораздо более сложным, так как мы имеем дело не только с большой площадью и большим количеством музейной мебели, но и с очень многочисленными предметами, характеризующими сложную и разностороннюю культуру.

Различные элементы народной культуры мы можем объединить в группы, составляющие ту или иную область быта. Мы различаем, таким образом средства добывания пищи, народную технику, одежду, жилище и т. п. При экспозиции место, отводимое каждой группе, должно соответствовать тому значению, какое данная группа занимает в жизни. Раз мы хотим охарактеризовать всю жизнь народа, то неправильно выдвигать на первое место, напр., искусство, как бы богато оно ни было развито. В этом отношении в правильно построенной выставке должно быть достигнуто полное равновесие материала.

Равным образом и в пределах группы, состоящей из нескольких элементов, на первое место должны выдвигаться самые существенные из них. Для земледельческого народа, который кроме того занимается охотой, рыболовством и т. п., наиболее полно и подробно должно быть показано земледелие и т. д. Точно так же подробнее сравнительно с другими должны быть показаны те элементы, которые являются характерными для данного народа, будучи менее раз-

виты или совсем отсутствуя у его соседей. Так, напр., для украинцев в области производств характерно высокое развитие гончарства и некоторых видов ткачества, что и должно быть подчеркнуто на выставке.

О том, какие предметы должны выбираться для выставки, уже говорилось выше. Здесь надо только указать, что этих предметов должно быть возможно меньше; на выставке должно быть только то, что необходимо для ясной картины данного производства или другого какого-нибудь элемента. Нужно избегать помещения на выставку многочисленных видоизменений одного и того же инструмента или вариантов изделий. Зато

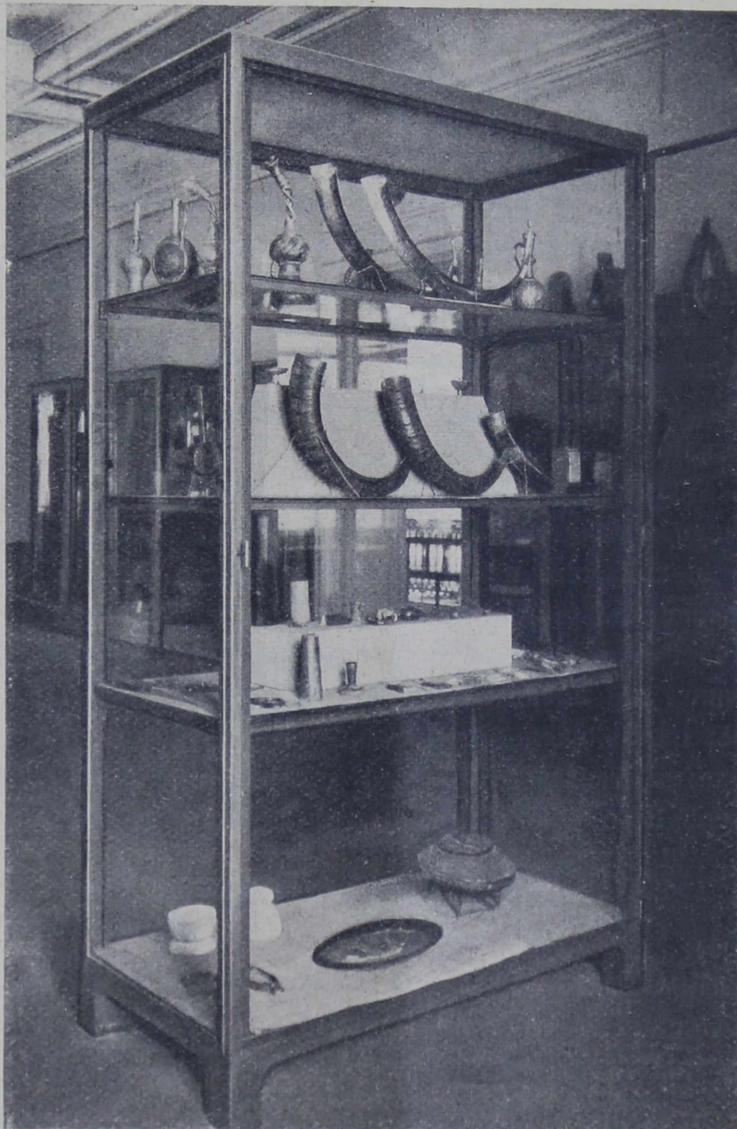

Рис. 1.

необходимо, чтобы выставленная коллекция целиком охватила весь элемент, напр., в производстве, начиная от материала, через процесс работы, представляемый инструментами и предметами в разных стадиях обработки, а также фотографиями и чертежами, до уже вполне готовых образцов изделий (Рис. 1). То обстоятельство, что предметы одного назначения окажутся на выставке в двух местах—как продукт производства и как бытовое явление, не должно смущать, так как при общей незагруженности выставки материалом, подобное повторение будет только способствовать ясности общей картины быта. Точно в таком же положении оказываются предметы, по своему характеру относящиеся к двум группам элементов—например, ковры, которые являются и бытовым предметом и произведением народного искусства. В таких случаях должен быть двойкий подход к предмету и в соответствии с ним выбор тех или иных экземпляров для выставки. Если для характеристики убранства дома на Украине достаточно одного или двух ковров, то как предметы искусства ковры представляют такое красочное и орнаментальное богатство, что занимают здесь очень важное место.

На выставке элементы, относящиеся к одной и той же группе должны быть помещены непосредственно один за другим в той последовательности, в какой они идут в классификации, принятой в музее. Это не всегда бывает возможно достигнуть из-за расположения мебели, которое в свою очередь связано с архитектурой музейного здания. Еще труднее добиться такой же последовательности в расположении групп элементов, что было бы очень важно при осмотре. Тут неудобство непоследовательности смягчается только тем, что обычно группы сами по себе так велики, что переходы от одной к другой по залу не являются слишком частыми.

V.

Обычно культура всякой народности представляется нам единой. Однако, это вполне верно только для сравнительно малых народностей; среди них исключение составляют лишь те, различные части которых попали в слишком разную обстановку. Но для крупных народов, занимающих большую территорию, это верно уже не совсем. В одних случаях различия замечаются во многих элементах быта и притом настолько значительные, что является целесообразным выставлять вообще все бытовые коллекции отдельно для каждой части, как, напр., северные и южные великорусы. В других случаях различия замечаются лишь в более подвижных элементах, напр., в одежде или в искусстве, как это мы видим у украинцев. В таких случаях правильнее, не нарушая общей единой экспозиции, выделить эти более подвижные элементы и показать их подробнее в их локальных видоизменениях.

Развитие экспозиции таких элементов, напр., одежды, в этом направлении не вызывало бы затруднений и не нарушало бы стройности всей выставки, если бы была возможность сконцентрировать все видоизменения

одежды в одном месте,—напр., иметь один огромный шкаф или ряд шкафов, стоящих рядом в том месте зала, в котором по намеченной последовательности должна находиться одежда. На практике этого трудно достичь, и одежда раздробляется по разным частям зала, отчего цельность общего впечатления неизбежно утрачивается, в каком бы систематическом порядке мы не размещали костюмы по отдельным шкафам.

При экспозиции одежды надо придерживаться того же принципа выделения основного и ступенчатого выделения деталей. Надо выставить основной, наиболее распространенный костюм со всеми его главными видоизменениями, а костюмы, имеющие областной характер—менее подробно. Из

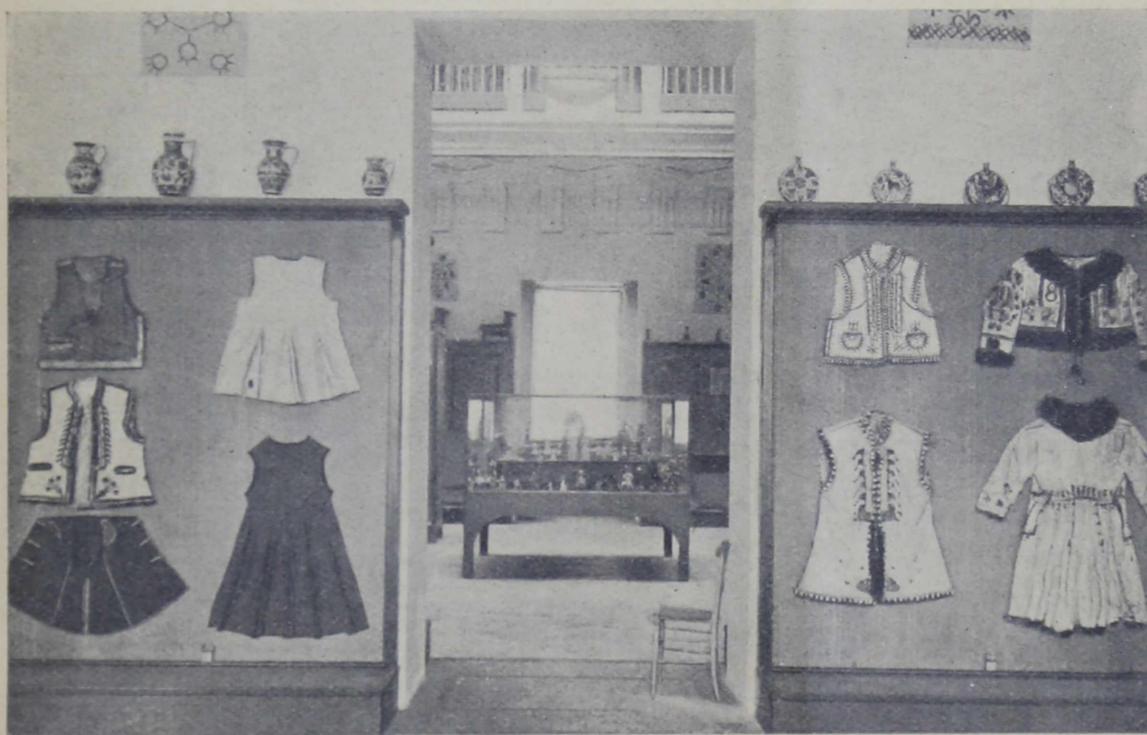

Рис. 2.

этих последних желательно возможно лучше представить костюмы областей, в которых устанавливаются важные этнические связи, и слабее—тех областей, где мы находим лишь поверхностное внешнее влияние. Применяя этот принцип, напр., к украинцам, мы должны наиболее подробно представить костюм Поднепровья, а из окраинных выделить северо-западный костюм—Волини и волынского Полесья, а также костюм Западной Украины. В этом последнем мы должны наибольшее место отвести костюмам с польским влиянием, соответственно величине области распространения этого влияния и глубине проникновения его в народную среду. Далее пойдут румынизированные костюмы, а наименьшее место займут костюмы с влиянием венгерцев и словаков, хотя и сильным, но распространенным на очень ограниченной территории. Как видно из последних строк в экспозиции одежды надо исходить не из административных делений, а из самого костюма, из его собственных локальных изменений.

Различие костюма отдельных местностей только с первого взгляда кажется резким и значительным. При ближайшем рассмотрении оказывается, что основные формы остаются одни и те же, меняются признаки второстепенные. Устойчивость основных форм и постепенность их изменения дает возможность рядом с описанной выставкой по локальным типам костюма сделать сравнительную выставку отдельных частей одежды и построить эволютивные ряды. Так, напр., оставаясь в пределах украинского материала, можно показать интересные пути развития безрукавки или эволюции свиты. (Рис. 2). Равным образом интересно сопоставить и не связанные между собой отдельные части костюма, имеющие одно и то же назначение (напр., женская поясная одежда). Такая параллельная выставка по местностям и по предметам даст полную картину народной одежды.

Сказанное об одежде относится также и к другим подвижным элементам культуры, напр., к искусству. В народном искусстве обычно есть отрасли, которые не представляют значительных отличий в разных местностях; но некоторые отрасли дают уже существенные отличия и должны быть в соответствии с этим представлены на выставке.

VI.

Рассматривая экспозицию костюма, мы имели дело уже не с отдельными предметами, а с целой группой их, составляющей обычное и неразрывное соединение. Мы, таким образом, имеем здесь дело с известным бытовым комплексом, и на этом нужно остановиться. Такой комплекс может быть естественным и искусственным. Естественным комплексом костюм является тогда, когда он действительно существовал в быту в той комбинации предметов, какая дается на выставке. Искусственным же он будет в тех случаях, когда из приобретенных порознь частей одежды на выставке реконструируется типичный костюм для определенной местности. Само собой разумеется, что следует предпочесть именно естественный комплекс, как являющийся действительно документальным, и к искусственному прибегать только тогда, когда почему либо невозможно приобрести цельный костюм. Однако, в этих случаях безусловно необходимо, чтобы все вещи, вводимые в костюм, были одного времени и из одной и той же местности. К сожалению, для старинных костюмов такая реконструкция в настоящее время уже неизбежна.

Костюм является простым комплексом, за которым мы переходим к сложным комплексам, к представлению на выставке целых кусков жизненной обстановки—внутреннего вида жилищ и т. п. Такие бытовые комплексы очень желательно иметь на постоянной выставке, так как они сразу передают зрителю дух обстановки, в которой живет человек. Но здесь надо повторить то же самое, что говорилось об естественных и искусственных комплексах по поводу костюма: желательно приобрести целиком, напр., все содержимое юрты, а не собирать его по частям из

разных хозяйств и, может быть, из разных мест. В такие комплексные экспонаты (Рис. 3), обычно вводят и самих людей, размещая одетые в костюмы манекены в различных позах. При этом необходимо следить за тем, чтобы все манекены, вводимые в композицию, находились в статических позах, а отнюдь не в движении. Надо помнить, что фигуры людей здесь вовсе не должны являться хозяевами и обращать на себя особенное внимание посетителей: они тут играют такую же роль, как весь остальной материал, и не должны отвлекать от него. Помимо этого соображения, фигура человека среди своей бытовой обстановки застывшего в момент

Рис. 3.

движения, всегда производит неприятное и искусственное впечатление. По этой причине невозможны «мертвые» воспроизведения свадебных или ярмарочных сцен и т. п., так как они оказываются лишенными живости, движения и шума, характерных и неизменно сопутствующих им.

VII.

В самом начале говорилось, что, как основные, на выставку должны быть помещены предметы, распространенные в настоящее время. На ряду с ними, как дополнительные, очень желательно иметь старинные типы их. Это важно прежде всего потому, что таким путем вскрывается направление органической эволюции предмета, или новейшее заимствование у кого-либо

его новой формы. Далее, очень часто бывает, что предмет, имеющий у соседних народностей различные формы, в своих старинных образцах оказывается одинаковым; иногда исчезающие или уже исчезнувшие предметы еще недавно существовали у соседних народностей в близких или одинаковых формах (например, «намитки» у украинцев и белорусов). При помещении на выставку таких старинных предметов, восстанавливаются уже исчезнувшие связи. Само собой разумеется, что, помещая такой экспонат на выставку, необходимо указать на его старинное происхождение соответствующей этикеткой. То же самое относится к целым группам старинных предметов, помещение которых на выставку будет признано желательным: таким группам надо отводить обособленное место в общей серии предметов по данному вопросу. Что касается старинных костюмов, то если они не выделены в особое помещение (особый шкаф), то все же не следует помещать их попеременно с современными. Вообще, принимая во внимание чрезвычайную изменчивость костюма в деталях и внешнем облике его, необходимо для каждого выставленного костюма указать время, к которому он относится.

Таким образом мы пытаемся на выставке показать, по возможности, как бы историю рассматриваемого элемента, а вместе с тем и всю народную культуру в исторической перспективе.

Идя по этому пути, мы очень быстро наталкиваемся на совершенно другие формы некоторых элементов быта и совершенно иную роль их и значение в жизни. Равным образом мы встречаем некоторые элементы уже совсем исчезнувшие в настоящее время. В тех случаях, когда этот процесс угасания произошел сравнительно недавно, мы еще можем легко показать на выставке прежнее развитие данного промысла, или производства, или типа костюма. Но по мере того, как мы будем отходить от современности, эта задача будет все трудней, и может быть выполнена лишь в отдельных частях. В этом отношении народы со сравнительно низкой культурой находятся в положении, пожалуй, лучше, чем высококультурные. У этих последних современный материал отделен от начальных стадий их культуры долгим периодом исторической жизни, оставившей нам очень мало вещественных памятников. У менее культурных народов сплошь и рядом современный материал живой этнографии непосредственно соприкасается с материалом, добываемых из раскопок. Таким образом, здесь мы легко переходим в область палеоэтнографии, доставляющей нам материал, аналогичный собственно этнографическому. Не видя между ними принципиальной разницы и считая первый лишь дальнейшим углублением второго, мы и экспонировать их должны были бы аналогичным способом, в некоторых случаях даже сливая известные элементы. Однако, надежный палеоэтнографический материал приходит к нам не изолированными предметами, а обычно целым комплексом, — в виде инвентаря погребения и т. п. Разрознивать подобные комплексы представляется нежелательным, и потому такой материал выставляется в тех сочетаниях, в каких он был найден, принимая их за комплексные экспонаты.

Точно так же и в вопросе о желательном количестве палеоэтнографического материала мы должны стоять на той же точке зрения, как и по отношению к современному: только необходимое для характеристики культуры определенного времени.

Здесь является естественный вопрос: как далеко должно идти описываемое углубление в палеоэтнографический материал. Следует ли ограничиться теми памятниками, которые имеют определенные аналогии в современной этнографии или же, идя дальше, привлечь материал, вообще связанный с данной народностью или ее этнической группой; остановиться ли на границе отдаленных культур каменного века или их включить в изучение и экспозицию. Если вопрос о привлечении материала, так или иначе связываемого с современными этническими группами, не возбуждает сомнений, то по вопросу об экспозиции культур каменного века возможны различные взгляды. Однако, поскольку мы должны признать преемственность культур, независимо от того, каким путем они сменялись, мы и для каменного века не можем уклониться от этого принципа. Поэтому представляется желательным показать на постоянной выставке музея все культуры, находимые в данной местности, начиная от первого появления на ней человека. Музей, в котором была бы для всех представленных в нем стран показана последовательная смена культур от палеолита до современности, был бы идеальным музеем истории культуры; на деле этого идеала достичь, конечно, невозможно, так как для многих областей, как и для отдельных народов, даже в их исторический период, мы будем иметь значительные лакуны. Но для некоторых местностей представить такое напластование культур возможно, и эти отдельные законченные части должны иметь особенное значение, как показательные.

VIII.

В совершенном соответствии с тем, как мы, показывая в этнографическом музее палеоэтнографический материал, углубляли выставку в сторону примитивных стадий культуры, необходимо показать и связь современного народного быта с бытом высших городских классов. Мы понимаем этнографию, как науку о народном быте, поскольку он не принял форм общеевропейской цивилизации. Таким образом в поле зрения этнографического музея попадает целиком быт малокультурных народов, социальная толща которых невелика; но высшие слои народа высококультурного, как уже вполне перешедшие к европейским формам жизни, не входят в круг этнографического изучения. Этот переход к европейской цивилизации происходит не сразу, а с большой постепенностью: начиная от более зажиточных слоев крестьянства, по мере поднимания по социальной лестнице, мы видим все увеличивающееся количество городских элементов быта общеевропейского характера. Правда, народные черты сохраняются очень долго, особенно в тех случаях, когда представители городских классов оказывается среди народной стихии. Например, помещичья усадьба, великорусская и укра-

инская, представляет вполне этнографическое явление, являясь сложным комплексом, в котором переплетаются и европейские и народные черты. Таких смешанных комплексов в быту городского населения можно указать немало, и понятны они без соответствующих экскурсов в область народной культуры быть не могут. Однако, вводить изучение этого огромного материала в число задач собственно этнографии, значит сделать эти задачи непосильными. Поэтому, обычно быт городских классов механически отсекается и передается на изучение в других учреждениях, в бытовых музеях, а этнографические музеи для высококультурных народов ограничиваются изучением крестьянского, сельского населения. Все же, в виду тесной связи крестьянства с низшими городскими классами (мелким мещанством, а потом мещанством вообще), которые сохранили так много крестьянских элементов в своем быту, и которые со своей стороны являются проводниками в крестьянскую среду городских влияний, желательно показать в этнографическом музее быт этих слоев, хотя бы те стороны его, в которых наиболее ясны указанные двухсторонние связи. Поэтому надо стараться представить на постоянной выставке и мещанскую одежду и мещанское искусство, которые оказывают такое сильное влияние на народный костюм и народное искусство в деревне. Это имеет большое значение еще и потому, что мещанский костюм недавнего прошлого являлся не только заимствованием извне, но и органическим развитием старого народного костюма, общего для всех слоев населения. Равным образом желательными будут в этнографическом музее образцы тех высоких городских производств, на которых отразилось влияние соответствующих народных изделий, примеров чему мы можем найти много при внимательном изучении. При этом имеется в виду не изделия, приготовлявшиеся для села и вошедшие в его быт: черный ситец с яркими мелкими цветочками, выделывавшийся на московских фабриках для Украины, или гуцульские бусы, привозимые из Венеции, являются вполне этнографическими явлениями, поскольку они закрепились в народном быту; здесь речь идет об изделиях, идущих в городскую среду и сохранивших при фабричной выработке народные черты. Этим разрешается и вопрос о кустарных промыслах: из них этнографический интерес представляют лишь те, которые сохранили народный характер своих изделий, те же, которые работают по городским образцам (как, напр., известные Павловские артели), выпадают из этого круга.

IX.

Наконец, третье направление, по которому должен быть расширен основной выставочный материал, это направление в сторону установления связей быта данной народности с ее соседями. С этой целью желательно вводить на выставку на ряду с основными предметами такие экземпляры, которые по формам сближаются с соответствующими предметами других племен. Наибольшее число таких случаев падет на элементы быта более подвижные, напр., одежду, но и в устойчивых элементах часто обнаружи-

ваются определенные культурные связи, как второстепенные, когда мы имеем дело с простым заимствованием, так и очень значительные, когда перед нами вскрывается глубокое этническое родство. Желание представить в музее всю цепь культур, всегда почти переплетающихся между собою, заставляет раздвигать поставленные музеем территориальные границы и привлекать к изучению и экспонировать также быт соседних племен, не говоря уже о тех случаях, когда часть изучаемого музеем народа оказалась за политическим рубежом. Конечно, этот материал вводится на выставку лишь в качестве сравнительного материала и является дополнением, осве-

Рис. 4.

щающим ту или иную часть основного. Наилучшим способом отметить культурные связи служит помещение однородных элементов быта двух или более племен в непосредственной близости один от другого или даже вместе, в виде смешанной выставки, если имеются налицо этнические связи. В тех случаях, когда это невозможно, или когда мы имеем дело с отдельными предметами, их приходится вводить в общую серию данного элемента, известным образом обособляя его и поясняя его значение надписью.

Музей, в котором будут показаны все этнические и культурные связи, и который не только представит нам народную культуру своей территории в статическом состоянии, но при помощи этих связей, а также исторического и палеоэтнографического материала раскроет ее динамику, будет иметь постоянную выставку, отвечающую задачам этнологического музея.

X.

Для экспозиции материала, характер которого мы наметили, пользуются музейной мебелью разных типов: — шкафами, открытыми и застекленными щитами, витринами, подставками — рундуками и т. п. Очень хорошо, если возможно для каждого элемента культуры данной народности

Рис. 5.

отвести особую выставочную единицу. Если это невозможно, то приходится довольствоваться частью, ограничивая ее от остального материала, помещенного здесь же. Но для больших народов иногда приходится для одного элемента отводить не одну, а несколько выставочных единиц, и притом разнообразных. Все они должны быть собраны вместе в одну группу и расположены с таким расчетом, чтобы при осмотре было удобно переходить от одной к другой. Это особенно важно в тех случаях, когда при экспозиции (например, земледелия) приходится пользоваться и рундуками для громоздких предметов и щитами для мелких: здесь важно достигнуть такого расположения мебели, чтобы,

осматривая материал в логической последовательности, не иметь необходимости отыскивать его в разных местах. Группируя желательным образом мебель, надо иметь в виду необходимость достаточно больших промежутков между нею, нужных для групповых осмотров (Рис. 4).

Крупные предметы выставляются на рундуках, но ни в коем случае не прямо на полу. Для очень больших и сложных предметов желательно иметь отдельные рундуки, чтобы вокруг можно было обойти и осмотреть экспонат со всех сторон (это очень важно для экскурсий). Остальные крупные предметы размещаются на рундуках в порядке этнографической классификации. Все они должны быть расставлены настолько свободно, чтобы

осмотр их был вполне удобен. Чрезвычайно нежелательно соединение на одном рундуке предметов, относящихся к разным категориям.

Мелкие предметы прикрепляются на щиты—открытые и закрытые, смотря по роду экспонатов (Рис. 5). На щитах они распределяются также в порядке классификации, но при этом лучше не размещать их на равном расстоянии друг от друга, равномерно заполняя всю площадь щита, а соединять в группы, отдельные предметы которых сближены между собою, а группы от групп отделены несколько большим промежутком. При размещении групп можно с полной свободой пользоваться площадью щита,

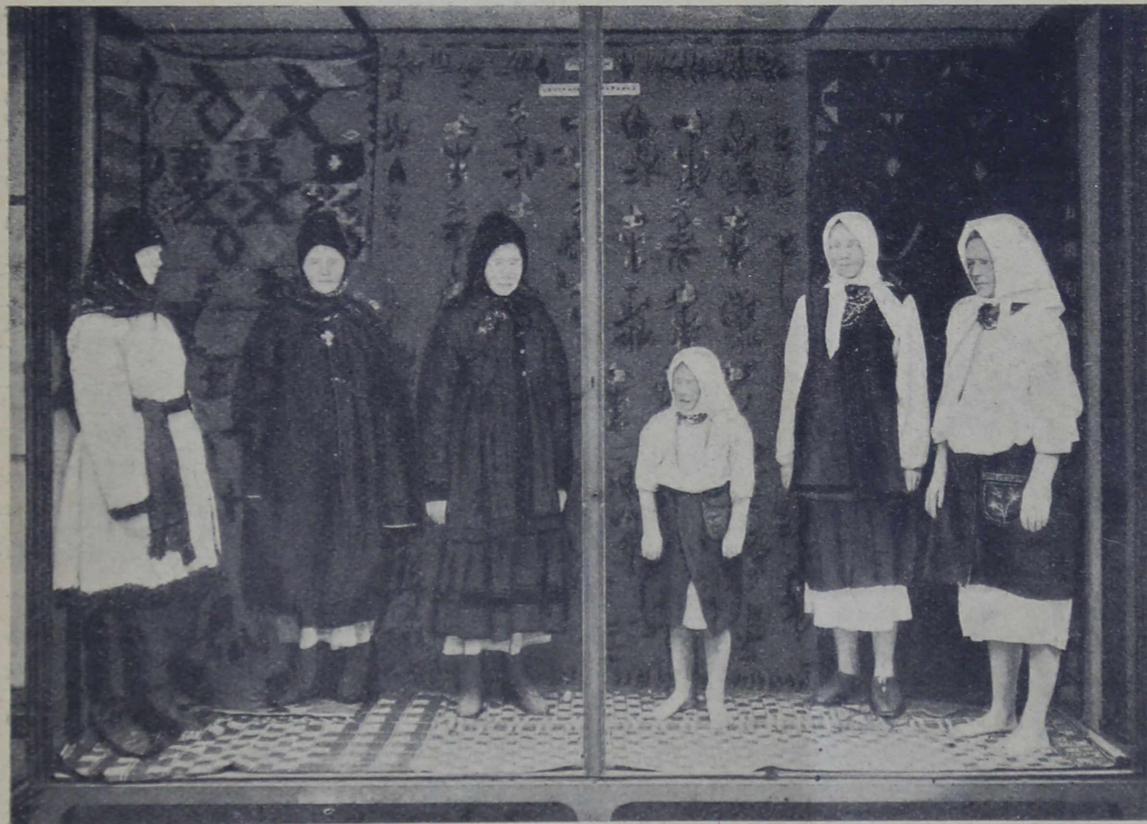

Рис. 6.

не опасаясь оставить незанятой часть поля. Такие группы на сводных щитах, на которых соединены разнообразные элементы культуры, будут состоять из предметов, относящихся к одному и тому же элементу, а на щитах, посвященных целиком одному элементу, или части темы (например, на щите с предметами, относящимися к огню: добывание огня, хранение огня, употребление для освещения, для отопления и т. п.), или серии, подобранные по различным принципам (напр., вышивки, подобранные в коллекции по технике, по приемам расцветки, по материалу, по орнаменту и т. п.). То же относится к мелким предметам, выставленным в витринах или в малых шкафах. На щиты полезно ввести фотографии, относящиеся к данному элементу быта. Значение фотографий объяснено выше; здесь надо прибавить, что фотографии, помещенные среди оригинальных пред-

метов несколько не режут глаз, но значительно оживляют щит и указывают новые возможности при компановании его. То же относится и к чертежам, планам и рисункам документального характера; рисунки, сделанные свободной манерой должны быть помещены отдельно.

Что касается больших шкафов, предназначенных обычно для мане-

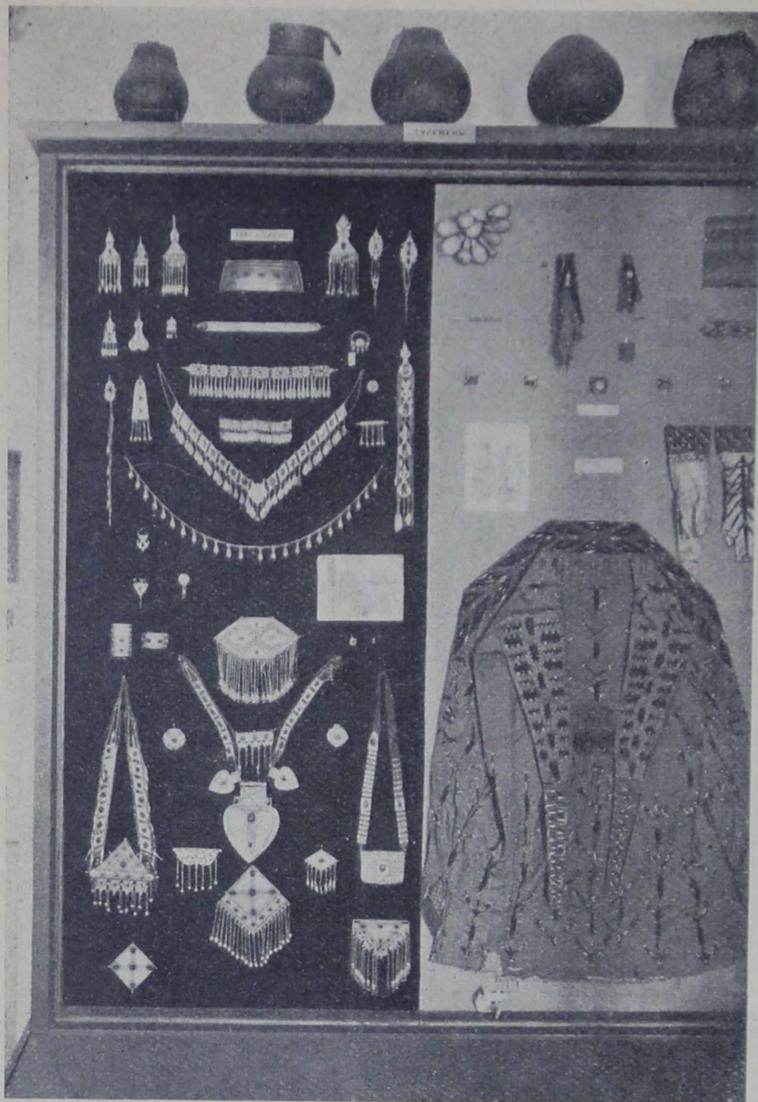

Рис. 7.

кенов, то они отчасти могут быть использованы для экспонирования и другого материала, но лишь в ограниченном количестве, если в шкафу находятся манекены. Эти последние очень красиво могут выделяться на фоне ковров и тканей, повешенных на заднюю стенку шкафа (рис. 6), но совмещение их с многочисленными, особенно мелкими бытовыми предметами желательно избегать. Эти последние обычно просто теряются в большом шкафу и не привлекают к себе внимания, которое все отдается фигурам; в свою очередь они создают беспокойный и запутанный фон, ослабляющий впечатление от костюмов. Поэтому пользоваться большими шка-

фами для дополнительной выставки в них мелкого материала надо с очень большой осторожностью.

Возвращаясь к фону, надо указать, что лучшим цветом для большинства этнографических предметов являются спокойные нейтральные тона; так, очень хорош для этой цели серовато-коричневый цвет некрашенной джутовой ткани; обыкновенная мешечная ткань тоже может быть с успехом применена для этой цели. Но для некоторых категорий цветных предметов приходится подбирать специальный цвет фона, чтобы наилучшим образом оттенить их краски, а иногда и специальный род материи,—напр., для некоторых украшений и художественных изделий приходится брать в качестве фона бархат, чтобы получить достаточно глубокий тон (Рис. 7).

Но здесь же надо указать, что совершенно невозможно пользоваться, как фоном, этнографическим материалом. Если ковры могут висеть за манекенами, теряя лишь часть производимого ими впечатления, то когда непосредственно на какую-нибудь ткань прикрепляются мелкие предметы, они сами проигрывают, а нижний экспонат превращается в простой фон.

Для экспозиции могут быть использованы также верхи шкафов и вообще музейной мебели и верхние части стен над нею. На верху мебели можно выставлять крупные предметы, но только такие, которые не требуют рассматривания сверху, и, конечно, в ограниченном количестве. Верхняя часть стен тоже может быть использована для экспозиции плоских предметов. При этом желательно не слишком занимать свободную площадь и иметь в виду следующее обстоятельство: стены обычно бывают выкрашены в белый или в очень светлый цвет; при помещении на стену темного предмета белая площадь неизбежно будет слепить и мешать рассматривать. Поэтому нельзя выставлять подобным образом, напр., резьбу по дереву, тонкая красота которой совершенно теряется.

Остается еще вопрос о манекенах. Остановившись на рассмотрении наилучшего типа манекена здесь мы не будем, так как это вопрос скорее относящийся к технике экспозиции, а не к ее принципиальному обоснованию. Здесь только можно высказать положение, что каков бы манекен ни был, он не должен отвлекать на себя внимание, и точно передавая антропологический тип, оставаться незаметным. Фигуре можно придать любую позу, но непременно статическую, согласно с тем, что уже говорилось выше, когда речь шла о выставке комплексов.

XI.

Экспозиция, описанная выше, проводится по строго научному плану, с точной последовательностью в размещении элементов быта и отдельных предметов. Надо, однако, подумать и о том, чтобы она была приемлема с эстетической точки зрения, так как это имеет немаловажное значение.

Нужно сразу отвергнуть специальное декорирование выставки. Не говоря уже о том, что таким путем вводится много лишних предметов, но, главное, при этом для посетителя нарушается последовательность, а, значит, и цельность впечатлений. Нужно в самой выставке добиться достаточной декоративности. Это не всегда бывает легко, но все же в конце концов для каждой категории предметов удастся найти и логическое и внешне приемлемое расположение. При умелом распределении групп и отдельных предметов на щите, он принимает и легко читаемый и легко воспринимаемый вид. Конечно, это возможно только при свободном размещении предметов: при перегруженности щита он становится утомительным и неинтересным. Здесь трудно указать какое-нибудь правило: успех или неуспех зависит всецело от настойчивости и вкуса работающего. Такое основное положение, как более свободное расположение крупных предметов сравнительно с мелкими или более выгодное по-

ложение крупных предметов внизу и т. п., выясняется очень быстро само собой в процессе работы.

При распределении материала по залу надо иметь в виду эффекты освещения. Наиболее нуждаются в полном свете тонкие изделия, требующие внимательного рассматривания и те предметы народного искусства, которые рассчитаны на яркий блеск. Красочную керамику или стекло и металлические изделия хорошо выставлять даже в залах с верхним светом с таким расчетом, чтобы они, кроме того оказались хотя бы в рассеянном свете сбоку. Это дает очень красивую игру бликов, особенно при солнечных лучах. Но нужно остерегаться помещать очень яркие предметы рядом с тусклыми, например, украинскую расписную керамику рядом с резным деревом, так как первая совершенно убьет тонкую и нежную резьбу.

ХII.

Таким образом выясняется чрезвычайная сложность и трудность работы над детальным планом экспозиции, за которой должна следовать еще не меньшая работа по ее техническому выполнению. Эта сторона вопроса не входит в нашу тему. Значение экспозиции так велико, что затраченный на нее труд вполне оправдывается результатами. Только последовательная и твердо проведенная экспозиция дает возможность руководителю экскурсиями сосредоточивать внимание своих слушателей на немногих, но необходимых предметах. При этом свободное размещение материала позволяет хорошо видеть его издали, а увеличенные фотографии освещают его и помогают руководителю лучше дать почувствовать всю бытовую обстановку. Равным образом и для рядового посетителя незагруженность выставки лишними вариантами, ясность экспозиции отчетливость даваемой характеристики быта, создают легкость осмотра и делают выставку лучше запоминаемой.

Для легкости осмотра должны быть введены ориентировочные планы зал и расположения в них отдельных народностей, а для крупных народов — отдельных элементов быта. Необходимо также надлежащее развитие этикетажа.

МУЗЕЙНОЕ ДЕЛО.

Выпуск I. А. И. Зарембский. Регистрация, хранение и учет коллекций в Этнографическом Отделе Государственного Русского Музея. 44 стр. 2 рис. 1 чертеж. 1925 г.	65 к.
Выпуск II. А. А. Миллер. Музейная мебель и ее оборудование. 37 стр. 24 рис. 1925 г.	75 »
Выпуск III. Проф. Я. Л. Окуневский и доц. П. А. Пацановский. Сероуглерод в дезинфекционной практике. 29 стр. 1 рис. 1925 г.	45 »
Выпуск IV. Б. Г. Крыжановский. Принципы экспозиции Этнографического музея. 20 стр. 7 рис. 1926 г.	45 »

В мастерских Этнографического Отдела Государственного Русского Музея принимаются заказы на работы по изготовлению манекенов и муляжей.